

ПОЭТИКА ПОЗНАНИЯ

Улан Еркинбай,
кандидат филологических наук, доцент университета имени Сулеймен Демиреля.

Тема, которую нельзя обойти при рассматривании любого литературного процесса, это проблема специального анализа литературных связей. Действительно, наблюдается влияние на известном уровне на развитие творческой связи национальной литературы с литературой другого народа.

Здесь необходимо особо отметить о глубоких корнях казахско-турецких литературных связях. Они специально рассматриваются и с литературоведческих позиций. К сожалению, эта область литературной связи исследуется с точки зрения советской методологии. В связи с чем неясна наша позиция в исследовании трудов турецких поэтов и писателей. А турецкие литераторы специально исследуют образцы устной традиционной литературы, а не наши современные тексты. Достаточно перечислить таких ученых как Сулейман Гулер, Фархат Тамир, Аббас Шынар, Айше Шетин, Шаих Гокиай, Абдуррахман Гузель, Фетхи Караманоглы, Фарух Темурташ, Метин Ергун и т.д., написавших специальные исследовательские труды в турецком литературоведении, связанные с казахской литературой. Впечатляют назидательные напевы у перечисленных ученых тюркское сознание и художественное слово в общих литературных памятниках средних веков.

В этом плане следует обратить внимание на рассказы турецкого прозаика Харуна Токака, часто издаваемого в современном казахском издательстве. В переводе журналиста, а также переводчика Малика Отарбаева, произведения турецкого писателя предстают как начало возрождения традиционных ценностей. Самое главное, что представляется нашим глазам – это влияние на современный формат напевов веры в образцах древней литературы произведений автора.

Тюркская духовность, ценности тюркского мира – богатство человечества. Так как сегодня успело сформироваться техногенное сознание, которое преследуют свою духовность. Духовный кризис, повседневные житейские проблемы, великие интересы и недостойные планы, безнадежность, благо, различные несуразыцы – идут вровень друг с другом под руку. Как быть в таком случае?! Каково художественное решение из этого? Как найти выход в художественном слове созвучие национальных ценностей и общечеловеческих мерках? Нижеследующие анализируемые вещи ценны как ответы на некоторые из этих вопросов.

Неоценимым богатством человечности и простоты жизненных действий простых героев в рассказах Харуна Токака являются бескорыстные цели и инересы. Их образы – ценное бытие человека, ведет к подтексту мысли. Автор повествует без прикрас о достоинствах своих героев. Среди них нет ни особых героев, ни чрезмерной идеи, ни сложных литературных методов. Здесь сама жизнь превратилась в героя, события – в идею, простое повествование – в главный метод.

В основе идейной актуальности произведений автора лежит служение не себе самому, а людям. Например, герой рассказа «То сердце, что осталось в Азии» молодой преподаватель: *«человеческое дитя через самопознание кочует в разные стороны, однако всюду, где побывают, оставляют своим художественным нравом неизгладимый след. Думают, что должны быть представителями доверия и веры на священной земле, где правит безверие,* - ставит перед собой огромные цели. Это только одна деталь. Автор изображает основой художественной правды вечные истины, повествуя в своих рассказах о различных испытаниях на пути к великим целям.

Справедливости ради нужно сказать, что названные вещи автора успели проложить тропу к читателю посредством печати на ежедневных страницах издательств и сайтов кз. Среди них можно назвать такие рассказы как, «Письма, написанные Господу», «Не

уходи, отец!», «Всадник, скачущий впереди», «То сердце, что осталось в Азии», «Загадка, скрытая в сердце», «Кровавый снег», «Принц щедрой души», «Лефтер», «Нежная любовь», «Печаль смуглого старца». Обратимся к содержанию некоторых рассказов.

Рассказ «Всадник, скачущий впереди» изначально посвящен подтекстовой идее, символике. Хотя читая рассказ, сложно сразу сделать такой вывод. Система событий очень проста. Однако сложность проблемы и есть в этой простоте. *«В этом году светлое лицо Рамазана опечалило осеннее ненастье. В то время, когда красный закат, устремленного на запад солнца, вливался в платиновое море Дерсагадата, смотрю на дома, довольных людей в своих кухнях. Через некоторое время раздастся вечерний азан. Наряду со светом в домах поднимается настроение сидящих за столом людей, державших пост. Миллионы сердец после омытия тарауихом ожидает пробуждения своих детей, сохраняющих спокойствие до утреннего разговения в этом прекрасном городе».* Начавшийся так рассказ повествует о герое по имени Адам Татлы, умершем в Монголии, покинувшего свою землю на пути служения Господу. Жена Адама Татлы, исполняя его последний наказ, хоронит в той земле, в которую он прибыл для хижрета. Вот и вся система рассказа в четыре-пять страничек. Все совершенно кратко, но емко.

Можно измерять счастье простого смертного обязательствами. Можно назвать это и счастьем для народа. Ислам как последняя религия человечества свидетельствует о счастье смертного в двух мирах. В анализируемом рассказе поднимается именно эта проблема. Например, автор, изображая главного героя, раскрывает тайну исторического величия долга героя. *«Он – из первых; он был одним из вихрем скачущих впереди. Промчавшись через необъятные степи Азии, перемахнув через высокие снежные горы, добрался до Орхонских памятников. Остановил коня, добравшись до Великой Китайской стены».* Конечно, не секрет то, что здесь долг, стоящий перед героем, является обязательным для героя. Известно, что в основе символа лежит и свойство всего мусульманского народа, и великий долг.

Правдивость повествовательного метода рассказа в неподменяемости уместных художественных методов. Кроме того, автор-повествователь сумел незаметно сочетать древность истории с сегодняшним событием. В результате чего: *«Люди, посвятившие жизнь Господу и истине на протяжении веков, начали создавать «империю» любви и человечности на земле Чингисхана, основавшего мировую империю. Наши предки вынуждены были уйти в Малую Азию со своей необъятной просторной земли. Теперь потомки снова вернулись в Великую Азию, чтобы исполнить свой родственный долг. На земле киссы-дастана Ергенекон был написан новый дастан. Ергенекон явился дастаном потери родной земли, тоски по ней. Если Адам Татлы был бы похож на самоотверженное возвращение на родину, заново обняв ее, это был бы дастан родства, - познавательные символы повествуются выигрышно, пуская глубокие исторические корни. Да, любимая империя нелегко строилась. Правда и то, что встречаются различные трудности на пути только настоящего гражданина. Названное произведение - одно из таких, художественно повествующих о многочисленных испытаниях».*

Следующее произведение автора «Загадка, скрытая в сердце» так и напрашивается на анализ. В маленьком по объему рассказе заложен большой смысл. Тема рассказа о взгляде на жизнь и смерть, значение деятельности, значимости уважения традиций, богатству веры. Не говоря ни слова о теме рассказа, нашел мастерский подход в создании внутреннего мира девушки Умит через художественную, созидательную целостность. Духовный кризис, ведущий к окончательному результату, стал стержнем идеи произведения.

«Имя дано «Умит, чтобы дарило всем надежду, с целью озарения для всех. Как из кокона через короткое время выходит бабочка, ранней весной летая с цветка на цветок. Так турецкая девушка со временем становится все краше, расцветая с каждым днем. Закончив отделение социологии литературного факультета, занимается в дальнейшем научной работой. Со временем становится одной из лучших социологов Турции. Вдруг крылья бабочки, порхающей с цветка на цветок, устают, и она не может летать. С ней происходит что-то непонятное. И это было не физическое недомогание, а духовный кризис».

Что это за проблема, усложнявшаяся изо дня в день, не дающая покоя ни днем, ни ночью?! Что за проклятая жизнь, как в непонятной трагедии, где на темной сцене играют одетые в черное герои?»

Да, ее отец – известный ученый-философ, и сама Умит достигла конкретных высот, но в чем причина безнадежности, перевернувшей всю ее душу? Почему ее жизнь превратилась в непонятную трагедию? В чем причина ее бездуховности? Эта сторона в рассказе не раскрывается, да и не требуется этого. Так как проблема главного героя – общая для природы человека. Каждый в свое время задумывается о смысле жизни. Это достаточно широкое понятие. Но решать эту масштабную проблему однозначно очень сложно. Задача писателя здесь – понимать эту особо тонкую проблему посредством психологических методов изгибами внутреннего содержания человеческой души. *«Красавица Умит устала плыть по течению. Осознавая это, пошла ко дну. Как будто какая-то неизвестная рука потащила ее в мрачную глубину моря. Неизвестное видение ускорило приглашение в бездонную глубину.*

Это было в одну из таких ужасных ночей... Вопли черных чудовищ чуть не свели ее с ума, разжигая так сжигающий ее изнутри огонь. Внезапно ее стало лихорадить. Душа ее, покоившаяся в тишине рая, стала как бы подталкиваться к аду. Хорошо, если к аду. Это не было адом; это место не имело имени. Похоже на заворазживающую пасть».

Да, так душевные муки Умит усугублялись в рассказе, с каждым разом все усложняясь. Дух изъеден, сознание ушло в небытие, мысли, как бы превращаясь в дракона, уводили в безнадежность. Умит, измученная таким образом, сердцем искала щель, ведущую к истине создателя мучений. Душевные муки, перемежаясь с лучами надежды, довели героиню, саму не понимающую, что ищет, в конце до решения убить себя. Однако духовные муки Умит похоже не прошли даром, после темноты засверкает солнце. Девушка, стоявшая перед смертью, услышала звуки азана (призыв к утренней молитве). В этот момент девушке, в повседневной жизни не раз слышавшей этот священный голос, разом осветило ее сознание, воздействовал совершенно по-иному. «Она не поняла вначале смысл раздававшегося со всех сторон азана, однако слушала с изумлением так, как будто лежала в чреве матери». То, что она искала всю свою жизнь, нашлось рядом с нею, как что-то утерянное навечно.

Только тогда пришло понимание: *«Господи! Почему я раньше не слышала этот чарующий, сулящий сердцу вечное блаженство?» Теперь поняла... Этот голос призывал ее к молитве. «Всю жизнь стучу во все ворота, однако в Его ворота не стучала. Не молилась».* Да, вознесение души человека вверх, в тот момент переросло в решение проблемы произведения. Умит, как бы искупавшись в настоящем луче света в своей смертной жизни, раскрыв ладони, сотворила свою душераздирающую молитву: *«Всемогущий Повелитель, обративший страшные дни в радость, ночь в день, не оставляющий в одиночестве, слышащий мой плач, будучи исцелением, когда я искала излечения! Если не пошлешь сна ночью, не могу уснуть, не разбудишь утром, не проснусь, не дашь возможности, не могу ходить. О, Величайший из Великих! Настоящая тоска моя, умоляю, услышь и меня. Послушай меня. Не делай меня рабой для других. Не оставляй меня на пять вечных дней. Умоляю Тебя, Повелитель сердца моего!»* - плачет она. Обрела внутренний рай и вместе с вечной песней утреннего азана отправилась во внутренний рай. Решение загадки, скрытой в сердце, видимо, настоящая вера.

Следующее произведение автора называется *«...То сердце, что осталось в Азии»*. Отличие этого рассказа от других в том, что событие и идея созданы для замены метонимического подтекста. Известно, что замена различается в зависимости от условий. В основном в таких заменах наблюдается созвучие и конкретность: «Когда аул находился во сне», «мастерское перо», «принесли блюдо?». Имя той, которая ранила сердце главного героя Исмета, Азия. Название материка, сослужившего службу на пути к истине, тоже Азия. Поэтому сами разбирайтесь, где осталось сердце героя рассказа. Достижение, раскрывающее идейную глубину произведения, оставляет огромное поле для раздумий читателя.

Давайте перейдем к самому рассказу. Турецкий парень по имени Исмет, получив благословение своей матери, отправляется «на землю своих предков в Великую Азию». Прошло четыре

месяца с тех пор, как он не видел свою мать. Молодой учитель Исет вспоминает о той поре, когда он впервые приехал сюда. Вначале хотелось, чтобы легкие привыкли к местному воздуху, подумал он, втянув в себя весь воздух. Он всегда смотрел весело по сторонам. Слушал родных, родственников внимательно. Помогал, сколько было возможности, хотя и не понимал все в языке. Днем и ночью работал, не разгибая спины, чтобы никого не обидеть. Очень быстро привык к святым местам, священной земле Великой Азии. В течение нескольких месяцев успел стать местным жителем».

Таким образом, Исет, начавший такхорошо, занимается делом. Он считает за честь служить детям родственного народа. В Азии, куда ступила его нога для благородных целей, благодаря своему самоотверженному труду, он добился любви народа. События развивались мирно, становясь все сложнее. До того как будем говорить об этом, обратим внимание на портрет героя, послужившее толчком к этой связи.

«Азия была одной из самых красивых учительниц в школе. Из-за того что она была дочерью министра, каждое ее слово строго исполнялось. Она была и красавицей, и умницей. Когда она смотрела краешком глаза, сердце болело, пронзенное стрелой. Хотя школа открылась давно, Азия только устроилась работать в ней. Она получила разрешение отца работать в этом очаге знания, так как он получил известия об учителях, работающих там и их достижениях.

Азия вышла замуж два года назад без любви. С годами семейная жизнь становилась все хуже. Однако как бы то ни было, она решила изменить свою беспокойную жизнь, не вредя чину отца».

С самого начала встречи оба героя влюбились в друг друга без памяти. Особенно состояние Азии было трудным. *«Азия с первого дня работы в школе удивлялась Исету. И коллеги заметили внутреннее состояние Азии, стремившейся искать встречи с ним. И Исет был доволен отношением Азии. Изначально Исет, желавший угодить дочери министра, постепенно влюбляется в красавицу. Глаза, всю ночь до утра наблюдавшие за падающими звездами, теперь и вовсе не смыкались. Вряд ли легко погаснет пламенное чувство, зародившееся в груди...»*

Исет, сделавший делом чести служение Азии, оставшейся от предков, к этому поступку Азии не был готов. Он старался не попадаться на глаза Азии, перешедшей к открытой атаке, уверяя себя сто раз, что не может так поступить, вредя делу предков. Он истово молил Создателя не сгореть в огне, не воспламениться в пламени. В тот несчастный день, когда закипали мозги, не ответить на приглашение прекрасной женщины, говоря «Я боюсь Бога!», несколько раз прочитал это, стоя в прохладной тени.

Честь – самый прекрасный цветок в его цветнике. Нельзя дать завянуть цветку.. Негасимый огонь Азии не должен опалить цветок, хотя он и поджаривался как шашлык. И цветы не должны сгореть. На необъятных просторах Великой Азии не должны засохнуть. Если хоть один цветок сгорит, все цветы согнутся. Все цветники понесут урон. Это несправедливо и для сада, и для садовника.

Однако ему было неизвестно, какие потери его ожидают впереди.

«Когда неделя подошла к концу, школа готовилась к выходным, Исету надо было приготовить расписание занятий, подготовить задания следующей недели. В школе никого не осталось. В углу кабинета Исет занялся работой. Он посмотрел на внезапно открывшуюся дверь, сердце его застучало. Вошедшая внутрь Азия наглухо закрыла дверь. Опираясь спиной о дверь, огромными глазами уставилась на Исета. В каждом движении Азии, пытавшейся быть стойкой, было заметно волнение души. Затем, не скрывая вырвавшиеся чувства, Азия сказала:

- Исет! Ты, наверное, понял мои чувства к тебе. У меня иссякло терпение. Ты знаешь, мой отец... До сегодняшнего дня мы были свидетелями беспечных дней. Так зачем нам

беспросветная тьма? Пусть это счастливое место не превратится в тюрьму. Я тоже этого не хочу. Но я думаю, что ты меня понял».

Исмет не знал, что делать. Как будто горячее пламя обожгло его лицо. Он проглотил ком в горле. Весь покраснел от стыда. Пламенные просьбы святого пророка Жусуна: «О, Великий Создатель! Эта тюрьма намного лучше поступков женицин, зовущих меня», мать Мария, слушающая сплетни, «Эх, лучше умереть, быть в вечном забвении», - подумал в смятении, что так и надо.

Когда уже склонялся к греху, обжег пальцы огнем лампы, «Совершай грех, чем так страдать!» - вспомнил того непокорного ученика, не согрешившего. «Эй, Исмет! Совершай грех, сколько выдержишь!» - сказал себе.

Он не смел поднять глаза на Азию. Он задумался, ведь для женичины самым дорогим и достойным является ее честь и достоинство, однако, видно, эта женичина сошла с ума. Собрав все свое мужество, хотел уже что-то сказать, как вдруг в дверь постучали. У Исмета чуть не разорвалось сердце. В комнате они были только вдвоем. И так уже про них шли различные разговоры, обсуждаемые вслух. В дверь стучал служащий школы. Исмет, втянув в себя воздух, сказал и быстро собрал книги: «Да, мы тоже выходим. Спасибо госпоже Азии. Она пришла узнать, что мне необходимо». Про себя подумал: «Пронесло и на этот раз». Когда выходил из кабинета, услышал тихий шепот Азии: «Пожалеешь!»

Один этот диалог решил судьбу произведения. Исмет, как человек, который как бы еле-еле выбрался из тюрьмы, с хорошим настроением, благодарил судьбу. А Азия, чтобы отомстить, написала на учителя жалобу, объявила, что якобы он пытался ее изнасиловать. Исмет, не ожидавший от Азии такого предательства, решил вернуться на родину. Сгорая от стыда, устав от жизни, готовый провалиться сквозь землю, молодой человек сильно переживает: «Эх, если бы я умер, навеки забылся». А Азии остается только сожалеть о случившемся. Она понимает, что полностью завязла в ошибках, но уже поздно что-либо менять. Когда Исмет, собираясь лететь на родину, стоял в аэропорту, Азия подошла к Исмету, пытаясь исправить ошибку:

«Исмет, я сказала всю правду. Все знают, что было на самом деле. Прошу, прости меня, я тебя не понимала. Куда ты едешь, бросив нас, учеников? Пытаясь тебя добиться, я лишила тебя всего. Пойми меня в этот раз, прости меня!» Однако его имя было очернено, хоть и не по справедливому обвинению, он стыдился друзей, которые трудились не жалея себя для счастья других. Он решил больше никогда не попадаться им на глаза.

«Осталось мало времени до отлета самолета. Друзья, которые поняли, что ничего не выйдет из их требований, плакали. Особенно Азия хорошо понимала, что он не вернется. До нее дошло, какой вред нанесла ему, какой он честный. Прощаясь, она дала Исмету письмо: «Это прочитай в самолете»:

«Любимый Исмет!

Благодаря тебе, я поняла, что разожгла огонь нечестивой любви, который сжег весь цветник. Такие честные, как ты не топчут цветы на конях. Потому что ты приехал не для того чтобы сорвать белый цветок чести, а наоборот, чтобы вырастить его. Мы сгораем на огненном пути, кто знает, однако не переживай, цветы больше не будут гореть. Цветы не горят, любимый мой Исмет...»

Рассказ полон назидательных мотивов. Выгодно повествуется о мастерски изображенной борьбе между страстью с честью и достоинством простого смертного. Главной идейной основой рассказа служит то, что человечность человека не во внешней формальной красоте, а во внутренней духовной красоте. Гениальный философ и поэт Маулана Жалалиддин Руми не случайно сказал: «Сколько я видел людей без одежды, сколько я видел одежды, в которой нет людей». Герои произведения познакомили с великим понятием по имени человек.

Пронес человечность через большие препятствия на маленьких переправах. Кто даст гарантию, что события, бывшие с Иسمетом и Азией, будут уроком для читателя? Художественная литература ценна такими конкретными результатами.

В бейтах Фараби, дошедших до нас через арабского историка Ибн Халикона встречаются такие строки:

Воюя за ничего не значащие славу и имя,
До каких пор будем мучить друг друга?
Не лучше ли погибнуть,
Молясь Создателю?!

Араб тарихшысы Ибн Халликон арқылы жеткен Фараби бейіттерінде:

*Түкке тұрғысыз атақ-даңққа таласып,
Қашанға дейін бір-бірімізді азаптай береміз?
Одан гөрі Жаратқанға жалбарынып,
Өліп кеткеніміз жақсы емес пе?! –* деген жолдар кездеседі.

Истины показывают свою художественную жизненность в рассказах Харуна Токака, несмотря на более чем тысячелетнее время, разделяющее их. В связи с этим, надо сказать, сегодня, неизвестно почему, до сих пор анализируется национальная литература соцреалистическим методом. Несмотря на изменение терминологии в таком анализе содержание остается таким же. Главная цель – служить для обозначения языка текста, определения художественного слова, рассыпанных по тексту тропов. Конечно, большое искусство изображать словами. Тем не менее Сегодняшний читатель ищет исцеление для духа, а не для тела, не для поднятия настроения, а лечения заболевания.

Если смотреть на проблему с таких позиций, рождается необходимость различения человечности литературы, содержательности ее, а не сухой теории. В них два различных мира. Двух видов ценность. Восточный мыслитель Жусип аль Хамадани, живший в двенадцатом веке, сказал: «Качество вещей – зеркало для видения святости, философия бытия – чистота и невинность, само бытие – зеркало для видения вечности». Если мы в качестве литературоведа поставим вместо бытия искусство слова и художественный текст, будет видно, что они сами по себе непосильный груз. Конечно, разве сила художественного слова не в его назидательной ценности для вдумчивого читателя?!